

ЯЗЫКОВАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ МОЛОДЫХ СОВЕРШЕННОЛЕТНИХ БЕЛОРУСОВ: МЕЖДУ РУССКИМ И БЕЛОРУССКИМ – МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ¹

Г. ХЕНТШЕЛЬ¹), М. БРЮГГЕМАНН¹), Х. ГЕЙГЕР¹), Я. П. ЦЕЛЛЕР¹)

¹)Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого,
Аммерлендер Херштрассе, 114, 26129, г. Ольденбург, Германия

Рассматривается положение белорусского языка в Беларуси, где он конкурирует с русским языком и белорусско-русской смешанной речью, так называемой «трасянкой». На основе национального опроса 1000 респондентов, проведенного в 2013 г., показано, как молодые белорусы видят свою первичную языковую социализацию и как оценивают распределение разных языковых кодов в различных контекстах. Представлено, как и в какой мере компетентность в белорусском языке (по собственной оценке респондентов) изменяется в зависимости от социодемографических характеристик и геополитических предпочтений в отношении западной или восточной ориентации. Обсуждается вопрос о том, поддерживают ли молодые белорусы содействие распространению белорусского языка и согласуется ли пробелорусскоязычная позиция с определенными политическими предпочтениями. Приводятся доказательства дальнейшей маргинализации белорусского языка среди молодого поколения. При этом отмечается, что присутствует поддержка сохранения и даже продвижения белорусского языка, лишь незначительно поддающаяся влиянию мировой политической ориентации.

Ключевые слова: положение белорусского языка; белорусско-русская смешанная речь; языковая социализация; национальный опрос; языковые коды; социодемографические характеристики; геополитические предпочтения; многоязычие.

THE LINGUISTIC AND POLITICAL ORIENTATION OF YOUNG BELARUSIAN ADULTS: BETWEEN RUSSIAN AND BELARUSIAN – BETWEEN EAST AND WEST

G. HENTSCHEL^a, M. BRÜGGEMANN^a, H. GEIGER^a, J. P. ZELLER^a

^aCarl von Ossietzky University of Oldenburg,
Ammerländer Heerstraße, 114, 26129, Oldenburg, Germany

The Belarusian language in Belarus has to compete with the Russian language and Belarusian-Russian mixed speech called «trasyanka». A nationwide survey of 1000 respondents from 2013 show how young Belarusians view their first linguistic socialization and how they evaluate different linguistic codes in various contexts. They also show how and to what extent the respondents' self-reported competence in Belarusian

¹ Материал является расширенной версией англоязычной статьи: Hentschel G., Brüggemann M., Geiger H., Zeller J. P. The linguistic and political orientation of young Belarusian adults between East and West or Russian and Belarusian // IJSL. 2015. Issue 236. P. 133–154.

Образец цитирования:

Хентшель Г., Брюггеманн М., Гейгер Х., Целлер Я. П. Языковая и политическая ориентация молодых совершеннолетних белорусов: между русским и белорусским – между востоком и западом // Социология. 2016. № 2. С. 57–76.

For citation:

Hentschel G., Brüggemann M., Geiger H., Zeller J. P. The linguistic and political orientation of young Belarusian adults: between Russian and Belarusian – between East and West. *Sotsiologiya*. 2016. No. 2. P. 57–76 (in Russ.).

Авторы:

Герд Хентшель – доктор наук, профессор.
Марк Брюггеманн – кандидат наук; младший научный сотрудник.
Ханна Гейгер – младший научный сотрудник.
Ян Патрик Целлер – кандидат наук; старший научный сотрудник.

Authors:

Gerd Hentschel, doctor of science (philology), full professor.
gerd.hentschel@uni-oldenburg.de
Mark Brüggemann, PhD (philology); junior researcher.
Hanna Geiger, junior researcher.
Jan Patrick Zeller, PhD (philology); senior researcher.

varies due to socio-demographic characteristics and geo-political preferences with regard to a Western or Eastern orientation. It is also discussed whether young Belarusians favor promoting the Belarusian language and whether a pro-Belarusian attitude correlates with certain political preferences. Evidence for further marginalization of Belarusian among the young generation is provided, but it is underlined that there is support for the maintenance and even promotion of Belarusian that is only slightly affected by global political orientations.

Key words: situation of the Belarusian language; Belarusian-Russian mixed speech; linguistic socialization; nationwide survey; linguistic codes; socio-demographic characteristics; geo-political preferences; multilingualism.

Введение

Беларусь – двуязычная страна: оба языка, белорусский и русский, являются официальными государственными языками с равными правами. После распада Советского Союза белорусский был единственным официальным языком в государстве. Ситуация изменилась после проведенного в 1995 г. общереспубликанского референдума, когда русский язык получил статус, равный с белорусским языком. Причем данный шаг получил широкую поддержку в обществе. В политической жизни государства не наблюдается значимого лобби за выведение белорусского языка из того маргинального положения, в которое он все глубже и глубже погружается с 1930-х гг. под давлением русского [1–3].

Языковая ситуация большинства белорусов не может быть сведена к билингвизму, или диглоссии. Она намного сложнее: белорусский язык все больше сдает свои позиции, о чем свидетельствуют данные переписей населения (1989, 2009). В 1999 г. 58,6 % белорусов в качестве языка, который они преимущественно используют, назвали русский, 41,3 % – белорусский; в 2009 г. – 69,8 и 26,1 % соответственно. Угрожающее положение белорусского языка еще более очевидно в анализе Г. Хентшеля и Б. Киттеля [4]. Исследование, проведенное ими в 2008 г. ($n = 1230$), включало вопрос: «Как часто вы говорите по-белорусски/русски?» Распределение ответов показано на рис. 1.

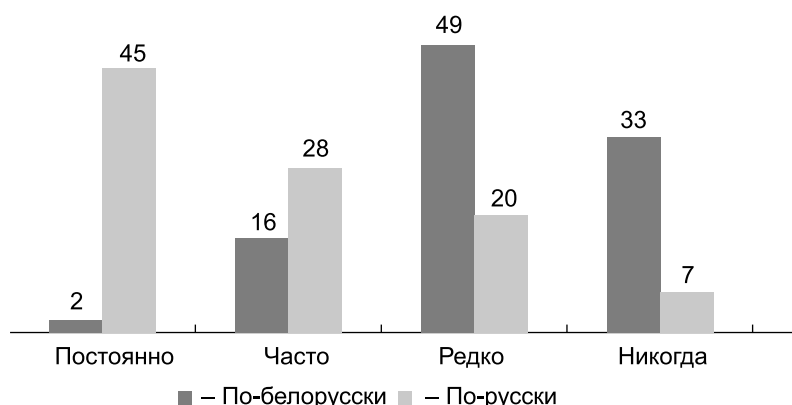

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Как часто вы говорите по-белорусски/русски?», %

Представленные данные свидетельствуют о том, что восемь из десяти белорусов редко говорят или вообще никогда не говорят на белорусском языке, тогда как приблизительно семь из десяти пользуются русским часто или постоянно. Уже эти цифры иллюстрируют периферийное положение белорусского языка в современной повседневной жизни белорусов.

Будущее белорусского языка, конечно, в некоторой мере зависит от желаний и потребностей молодого поколения Беларуси. В связи с этим попытаемся проанализировать распределение белорусского, русского языков и широко распространенной белорусско-русской смешанной речи (БРСР) среди молодых людей в Беларуси [5]. В материале предпочтение будет отдаваться именно этому названию смешанной языковой формы, а не определению «трасянка». Последнее

в результате стигматизации смешанной речи и ее носителей является негативно коннотированным понятием, не в последнюю очередь благодаря самим лингвистам [6, 7]. Национально ориентированная оппозиция, например, в лице Зенона Позняка, также активно поспособствовала этому развитию [8, с. 150–169], что, безусловно, обескуражило широкие слои населения и избирателей, если учитывать, насколько широко распространена смешанная речь. Сопоставим эти социолингвистические данные не только с некоторыми общими взглядами на языки или языковые коды, но также и с глобальными политическими ориентациями молодых людей, т. е. с западной или восточной ориентацией. Подобная корреляция аналогична текущей ситуации на Украине, где ориентированность на украинский язык схематически воспринимается как характерная для западной, европейской, ориентации, а ориентированность на русский – как признак восточной, российской, ориентации [9].

Данные, формирующие основу для серьезного изучения этих вопросов, были собраны в рамках интердисциплинарной исследовательской программы «Конструирование идентичности совершеннолетних молодых людей в постсоциалистическом обществе в период трансформации: случай Беларуси», реализованной в Ольденбургском университете им. Карла фон Осецкого. Инструментарий для национального опроса был разработан при сотрудничестве с Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета. В конце 2013 г. центр провел опрос 1000 респондентов.

Респонденты

Социально-демографические характеристики респондентов можно описать следующим образом: 507 мужчин, 493 женщины (50,7 и 49,3 % соответственно). Их возраст варьировался от 18 до 30 лет, со средним значением 23,88 и с медианным значением 24 года. Таким образом, возрастная структура изучаемой группы представляется сбалансированной. Респонденты проживают во всех шести областях страны (Гродненской, Брестской, Минской, Гомельской, Могилёвской, Витебской); распределение по областям колеблется от 11,2 (минимум) до 14,2 % (максимум) плюс город Минск с 24,5 %. По уровню образования респондентов можно разделить на следующие группы: 1,3 % имеют базовое образование, 29 % – среднее, 11,3 % – профессионально-техническое, 36,3 % – среднее специальное, 22,1 % – высшее образование. Что касается национального (этнического) состава, то 90,4 % респондентов считают себя белорусами, 6,2 % – русскими и 2,3 % – поляками, в группе «другие национальности» – 1,1 % респондентов.

Так как респонденты отбирались случайно, распределение четырех социодемографических критериев, учитываемых в выборке, в целом соответствует распределению этих критериев по последней переписи населения 2009 г. Таким образом, выборку можно считать репрезентативной для совершеннолетних молодых людей Беларуси. Для дальнейшего анализа отобрана только группа из 904 респондентов, назвавших себя белорусами по национальности. Многие белорусские граждане русской, польской или иной небелорусской национальности, возможно, демонстрируют иное языковое поведение, другие политические предпочтения в отношении западной или восточной ориентаций. Общее число респондентов русской, польской или других национальностей, представленное в опросе, слишком мало, чтобы сделать какие-либо обобщения. Мнение 62 респондентов, назвавших себя русскими по национальности, будет приниматься во внимание только в некоторых частях данного анализа.

Анализ: настоящее

Как описывали Г. Хентшель и Б. Киттель [10], опросы, имеющие целью передать в количественном плане языковую ситуацию в Беларуси (и аналогичным образом на Украине), основываясь на самооценке говорящих, представляют собой сложность, когда в качестве вариантов ответа рассматриваются только два языка – белорусский (или украинский) и русский. В обеих странах очень широко распространены смешанные формы речи [5, 9]. Г. Хентшель и Я. П. Целлер отмечали, что для многих белорусов БРСР и русский язык представляют собой два

базовых кода в ситуации диглоссии, причем первый функционирует как низкая языковая разновидность (*L-variety*), а второй – как высокая (*H-variety*)¹ [11–13]. В этой констелляции стандартный вариант белорусского языка играет роль адстрата, который используется чрезвычайно редко. Даже в семейных разговорах люди часто переключаются между БРСР и русским (очень редко – белорусским), в зависимости от собеседника, темы разговора и других хорошо известных факторов функционального переключения кода. Поэтому БРСР нельзя описать как недостаточное владение русским, как это было предложено И. В. Лисковец [14, 15]. Сотни тысяч людей, использующих БРСР в некоторых контекстах общения, свободно говорят на русском в других контекстах, хотя и с некоторыми незначительными белорусскими интерференциями, особенно в произношении. Сама по себе БРСР должна описываться как пример смешения кодов (главным образом, «конгруэнтной лексикализации» – англ. *congruent lexicalization* – в терминах П. Муйскена [16]) с определенной степенью совпадений между стабилизированным и спонтанным смешением русских и белорусских элементов и структур [17].

Попытаемся проанализировать, как молодые белорусы рассматривают свою языковую социализацию и как оценивают свое использование различных языковых кодов в ряде контекстов общения. Ответы на вопрос: «Когда Вы были ребенком, в вашей семье говорили на русском/белорусском/смешанном языке?» – позволяют разделить респондентов на четыре подгруппы в зависимости от размера населенного пункта, где они провели свое детство. Это респонденты из г. Минска, респонденты из городов с населением выше 100 тыс. чел., респонденты из городов с населением ниже 100 тыс. чел. (города с населением ниже 50 тыс. чел. практически не отличаются от городов с населением выше 50 тыс. чел.) и респонденты из деревни (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Когда Вы были ребенком, в вашей семье говорили на русском/белорусском/смешанном языке?» – в зависимости от размера населенного пункта, где прошло детство респондентов

Населенный пункт, в котором прошло детство респондента	Белорусский, %	Русский, %	БРСР, %	Итого, %	Количество респондентов, <i>n</i>
Город Минск	7,5	89,5	15,0	112,0	133
Город с населением > 100 тыс. чел.	4,8	79,1	24,1	108,0	249
Город с населением от 50 тыс. чел. до 100 тыс. чел.	7,4	68,6	33,1	109,1	121
Город с населением < 50 тыс. чел.	11,0	69,2	36,8	117,0	182
Деревня	9,1	31,5	74,4	115,0	219

Примечание. Сумма процентных показателей в различной степени превосходит значение 100, поскольку были возможны несколько вариантов ответа.

Представленные данные свидетельствуют о том, что молодые люди, выросшие в городской среде, демонстрируют разницу в степени использования русского языка и БРСР: чем больше город, тем чаще респондентами указывается русский язык и реже – БРСР. Но русский явно преобладает во всех четырех типах городов. В случае белорусского языка четкой тенденции не наблюдается. Везде он употреблялся редко. Но все эти различия незначительны в сравнении с респондентами, выросшими в деревнях, где БРСР выбрали трое из четырех респондентов, русский язык – только каждый третий (что касается белорусского, то между городами и деревнями не наблюдается различия относительно доли респондентов, выбравших его).

Почти полностью исчезают различия между малыми и большими городами, когда задается немного иной вопрос: «На каком языке Вы обычно разговариваете в семье?» (табл. 2а). Так как этот и последующие вопросы относятся к языковому

¹ Понятия *L-/H-variety* были введены Ч. Фергюсоном. *L* при этом обозначает «низкий» (от англ. *low*), а *H* – «высокий» (от англ. *high*), т. е. речь идет либо о низких, т. е. бытовых, неофициальных сферах функционирования, либо о высоких, т. е. публичных, формальных, речевых ситуациях. Последующее развитие этой концепции обсуждается у Ю. Ясперса.

поведению респондентов в настоящее время, сравнение будет осуществляться, исходя из размера тех населенных пунктов, где сейчас проживают респонденты, а не тех, где они выросли.

Таблица 2а

Распределение ответов на вопрос: «На каком языке Вы обычно разговариваете в семье?» – в зависимости от места жительства

Место жительства	Белорусский, %	Русский, %	БРСР, %	Количество респондентов, <i>n</i>
Город Минск	4,0	85,3	10,7	225
Город с населением > 100 тыс. чел.	3,2	83,0	13,9	317
Город с населением от 50 тыс. чел. до 100 тыс. чел.	4,0	82,0	14,0	50
Город с населением < 50 тыс. чел.	4,9	79,9	15,3	144
Деревня	4,2	38,7	57,1	168

Очевидный контраст между молодыми людьми в городах и в сельской местности сохраняется, причем представители деревни наиболее часто выбирают БРСР (57,1 %), русский язык – 38,7 %, белорусский – 4,2 % респондентов.

Этот бинарный контраст преобладает также в ответах на четыре других вопроса. Но в этих контекстах русский язык всегда получает наибольшее количество голосов (табл. 2б, 2в, 2г, 2д, 2е).

Таблица 2б

Распределение ответов на вопрос: «На каком языке Вы обычно разговариваете с друзьями?» – в зависимости от места жительства

Место жительства	Белорусский, %	Русский, %	БРСР, %	Количество респондентов, <i>n</i>
Город Минск	2,2	93,8	4,0	225
Город с населением > 100 тыс. чел.	0,9	90,5	8,5	317
Город с населением от 50 тыс. чел. до 100 тыс. чел.	4,0	86,0	10,0	50
Город с населением < 50 тыс. чел.	3,5	84,7	11,8	144
Деревня	1,2	57,1	41,7	168

Таблица 2в

Распределение ответов на вопрос: «На каком языке Вы обычно разговариваете на работе?» – в зависимости от места жительства

Место жительства	Белорусский, %	Русский, %	БРСР, %	Количество респондентов, <i>n</i>
Город Минск	2,4	94,0	3,6	166
Город с населением > 100 тыс. чел.	0,9	91,1	7,9	214
Город с населением от 50 тыс. чел. до 100 тыс. чел.	4,4	88,9	6,7	45
Город с населением < 50 тыс. чел.	4,4	84,1	11,5	113
Деревня	3,3	62,3	34,4	151

Таблица 2г

Распределение ответов на вопрос: «На каком языке Вы обычно разговариваете на учебе?» – в зависимости от места жительства

Место жительства	Белорусский, %	Русский, %	БРСР, %	Количество респондентов, <i>n</i>
Город Минск	3,0	94,9	2,0	197
Город с населением > 100 тыс. чел.	4,3	91,3	4,3	161
Город с населением от 50 тыс. чел. до 100 тыс. чел.	3,6	85,7	10,7	28
Город с населением < 50 тыс. чел.	3,9	93,4	2,6	76
Деревня	1,4	76,1	22,5	71

Таблица 2д

Распределение ответов на вопрос: «На каком языке Вы обычно разговариваете в сфере обслуживания (в транспорте, магазине, кафе)?» – в зависимости от места жительства

Место жительства	Белорусский, %	Русский, %	БРСР, %	Количество респондентов, <i>n</i>
Город Минск	0,9	96,0	3,1	224
Город с населением > 100 тыс. чел.	0,9	94,0	5,0	317
Город с населением от 50 тыс. чел. до 100 тыс. чел.	2,0	92,0	6,0	50
Город с населением < 50 тыс. чел.	2,1	92,4	5,6	144
Деревня	1,8	73,2	25,0	168

Таблица 2е

Распределение ответов на вопрос: «На каком языке Вы обычно разговариваете при обращении в официальные учреждения?» – в зависимости от места жительства

Место жительства	Белорусский, %	Русский, %	БРСР, %	Количество респондентов, <i>n</i>
Город Минск	2,7	96,0	1,3	224
Город с населением > 100 тыс. чел.	0,3	95,3	4,4	317
Город с населением от 50 тыс. чел. до 100 тыс. чел.	2,0	96,0	2,0	50
Город с населением < 50 тыс. чел.	2,8	93,8	3,5	144
Деревня	2,4	79,8	17,9	168

Таким образом, результаты, полученные для белорусского языка, не превышают отметки в 5 % ни в одном из шести контекстов общения и ни в одном из пяти типов места жительства¹. С точки зрения молодых белорусов, белорусский язык играет очень незначительную роль в повседневном общении. Его роль была несколько сильнее в детстве респондентов. Тем не менее белорусский, как код,

¹ Известно, что преподавание на белорусском языке играет незначительную роль в системе образования Беларуси. В соответствии с отчетом, опубликованным Министерством образования Республики Беларусь, в 2013/14 учебном году только 15,5 % учеников, посещающих общеобразовательные школы (1–11-й классы), обучались на белорусском языке, в то время как 84,4 % – на русском. Общество белорусского языка им. Франциска Скорины констатирует, что в 2011 г. 18 % школьников, 12 % воспитанников детских садов и 1 % студентов обучались исключительно на белорусском, 37 % студентов посещали курсы на обоих государственных языках.

используемый в семьях в ранние годы жизни молодых людей, показывает явно низкий удельный вес с результатом 5–11 % в населенных пунктах разного размера.

Иная ситуация с русским языком и в определенной степени с БРСР. Очевидно, что как размер населенного пункта, где проживает респондент, так и тип контекстов общения оказывают влияние на результаты. Кроме того, их доли имеют негативную корреляцию, как показано в таблице 3. Там, где доля русского языка особенно высока, доля БРСР особенно низка, и наоборот. В качестве кодов, преобладающих в языковом ландшафте Беларуси, русский и БРСР находятся в ситуации диглоссического распределения [11, 17–19]. Использование белорусского языка, безусловно, не коррелирует с использованием русского и БРСР.

Таблица 3

Корреляция между долями использования языков в населенных пунктах различного размера, по мнению респондентов (*: $p < 0,001$, **: $p < 0,01$), %**

Контекст общения	Корреляция языков	Коэффициент Пирсона, r	Значение, p
В семье в детстве	БРСР – русский	–,997	<,001***
	БРСР – белорусский	,456	,440
	белорусский – русский	–,414	,488
В семье	БРСР – русский	–1,000	<,001***
	БРСР – белорусский	,156	,802
	белорусский – русский	–,186	,765
С друзьями	БРСР – русский	–,996	<,001***
	БРСР – белорусский	–,382	,526
	белорусский – русский	,303	,620
На работе	БРСР – русский	–,994	,001**
	БРСР – белорусский	,163	,794
	белорусский – русский	–,272	,658
По месту учебы	БРСР – русский	–,996	<,001***
	БРСР – белорусский	–,815	,093
	белорусский – русский	,764	,133
В магазинах и т. д.	БРСР – русский	–,998	<,001***
	БРСР – белорусский	,335	,581
	белорусский – русский	–,387	,520
В государственных учреждениях	БРСР – русский	–,990	,001**
	БРСР – белорусский	,079	,899
	белорусский – русский	–,220	,722

Подведем результаты по корреляции между русским языком и БРСР.

1. Русский – это язык, который, как сообщает подавляющее большинство молодых белорусов, используется наиболее часто. Только в одном контексте общения в одном из пяти типов размера населенных пунктов показатели БРСР (57,1 %) выше, чем показатели русского языка (38,7 %), – в семейных разговорах молодых людей, проживающих в сельской местности (в детстве этих респондентов, т. е. в прошлом, доля БРСР была даже выше, а доля русского – ниже).

2. По данным исследования, русский язык используется реже в семейных разговорах, чем в других контекстах общения. Однако за исключением респондентов, проживающих в деревнях, удельный вес русского языка и здесь составляет около 80 %.

3. В городских населенных пунктах (всех размеров) удельный вес русского языка, используемого в различных контекстах общения, составляет около 90 %. В некоторых контекстах наблюдается корреляция между размером места проживания – за исключением деревень – и оценочным использованием русского языка (и наоборот – БРСР) (табл. 4).

Таблица 4

Корреляция между размером населенного пункта (только городские) и преобладающим использованием русского, по мнению респондентов (*: $p < 0,05$), %

Контекст общения	Коэффициент Пирсона, r	Значение, p
В семье	,990	,010*
С друзьями	,981	,019*
На работе	,986	,014*
По месту учебы	,324	,676
В магазинах и т. д.	,909	,091
В государственных учреждениях	,734	,266

Значимые корреляции (на уровне 5 %) между размером места жительства и использованием русского характерны общению в семье, с друзьями и на работе. Это контексты общения, в которых распространена неформальная и поэтому смешанная речь (по крайней мере в деревнях и в некоторой степени в городах). В других контекстах общения (наиболее явно – в образовательных и других государственных учреждениях) русский доминирует во всех типах поселений. В частности, результаты показывают, что размер города не играет никакой роли для языковых предпочтений в общественных местах (магазинах, ресторанах, общественном транспорте, государственных учреждениях): показатели русского равны примерно 95 %.

4. Использование БРСР широко распространено среди деревенских жителей в неформальных контекстах общения: в семье (57,1 %), с друзьями (41,7 %), на работе (34,4 %). В других контекстах использование БРСР в деревнях достигает удельного веса между 18 и 25 %, т. е. она и там более распространена, чем среди жителей городов.

При рассмотрении следующих вопросов, поставленных в статье, БРСР можно оставить в стороне, так как она явно представляет собой субвариант речи, поэтому последующие наблюдения концентрируются на двух государственных языках Беларуси – белорусском и русском. В ходе опроса молодых респондентов спросили об их компетентности в том и другом языке. Обобщенные результаты показаны в табл. 5.

Таблица 5

Компетентность респондентов в белорусском и русском языках (по их мнению), %

Вариант ответа	Белорусы ($n = 904$)		Русские ($n = 62$)	
	Белорусский	Русский	Белорусский	Русский
Пишу без труда	55,8	97,7	40,3	100,0
Разговариваю без труда	42,5	99,3	37,1	100,0
Читаю без труда	81,6	100,0	71,0	100,0
Без труда понимаю устную речь	91,0	100,0	88,7	100,0
Не знаю этого языка	4,4	0,0	9,7	0,0

Только один из двух молодых белорусов (по национальности) указал, что может активно, без труда использовать белорусский. Письменная компетентность респондентов немного лучше (55,8 %), чем устная (42,5 %). Намного выше степень

пассивного владения языком: 4 из 5 опрошенных отметили, что у них нет трудностей с письменными текстами, у 9 из 10 – с устной речью. Ситуация с русским языком намного лучше: цифры достигают или почти достигают максимума в 100 %. Разница в активном владении белорусским или русским, конечно, значительная.

Кроме того, представляется допустимым предположить, что самооценка свободного активного владения белорусским менее надежна, чем самооценка владения русским, который, по утверждению подавляющего большинства респондентов, используется в повседневной жизни.

В третьей и четвертой колонках табл. 5 в целях сравнения представлены сведения о респондентах русской национальности. Конечно, число респондентов здесь слишком мало, чтобы сделать обобщения. Тем не менее интересно то, что указанная степень владения белорусским по четырем рассматриваемым аспектам не намного хуже, чем у молодых респондентов белорусской национальности¹.

Подобный анализ проведен для группы респондентов белорусской национальности в больших и малых городах, с одной стороны, и в сельской местности, с другой стороны. Как было показано, самая заметная разница в самооценке использования кодов наблюдается, если учитывать эту дифференциацию. Говоря о пассивном владении (устной и письменной речью), следует заметить, что между самооценками жителей больших и малых городов и сельской местности фактически нет различия ни для белорусского, ни для русского языка. Единственная разница, заслуживающая упоминания, состоит в том, что в сельской местности явно больше, чем в городской среде, молодых людей, которые по собственной оценке без труда могут писать по-белорусски. Разница в оценке уровня владения русским и белорусским составляет ровно 25 процентных точек (66,7 против 91,7 %) в пользу русского у сельских жителей. Для жителей городов разница составляет 45,7 процентной точки (53,3 против 99,0 %), конечно, также в пользу русского. Вероятно, это отражение того факта, что белорусский лучше представлен (или, по крайней мере, был представлен) в сельских школах, чем в городских. Это, конечно, не означает, что сельские жители лучше продуцируют письменные тексты на белорусском. Можно только констатировать, что сельские жители чаще чувствуют себя в состоянии писать на белорусском (впрочем, возможно, в деревнях такая необходимость возникает нечасто).

Дальнейший анализ, связанный с языковой компетенцией, сконцентрирован только на одной подгруппе респондентов – белорусской национальности. Из 904 респондентов 666 сказали, что свободно владеют белорусским языком в устной и письменной практике (325 чел.) или что у них нет такого владения в обеих сферах (341 чел.), т. е. только эти диаметрально противоположные группы будут приниматься во внимание. С учетом представленных результатов возникает вопрос: можно ли дифференцировать на базе других социодемографических характеристик молодых белорусов, сказавших, что они свободно владеют белорусским, от молодых белорусов, сказавших, что они им не владеют? Чтобы получить первое впечатление, для каждой отдельной переменной представим таблицы распределения и χ^2 -тесты, а затем проведем анализ многомерной логистической регрессии в целях проверки эффекта всех переменных одновременно.

Пол. Респонденты женского пола значительно чаще указывали на свободное владение белорусским по сравнению с мужчинами: 55,8 против 41,4 % ($\chi^2 = 13,98$, $df = 1$, $p < 0,001$).

Образование. Когда мы измеряем образование с точки зрения четырех формальных дипломов (средней школы²; профессионально-технического училища; учебного заведения, дающего среднее специальное образование; учреждения высшего образования – УВО), мы, к своему изумлению, наблюдаем лишь

¹ Также стоит упомянуть, что разница в самооценке навыков чтения и письма по-белорусски между белорусами и русскими более значительна, чем разница в самооценке относительно устной речи и понимания устной белорусской речи. Возможным объяснением могло бы быть присутствие белорусского языка и литературы как обязательного школьного предмета (не только в школах, классифицируемых как «белорусские»), изучаемого как белорусами, так и «белорусскими русскими». Отнюдь не все учителя белорусского языка и литературы уделяют большое внимание владению устной речью при изучении национального языка.

² Только семь человек не окончили такую школу.

небольшую разницу. Четыре типа дипломов представляют градацию: общую среднюю школу можно рассматривать как самый низкий уровень, УВО – как самый высокий. На первом мы находим минимальную долю респондентов со свободным владением белорусским, на втором – максимальную: 46,5 против 51 %. Тем не менее эта разница является незначимой ни при рассмотрении образования как непервичной переменной ($\chi^2 = 0,86$, $df = 3$, $p = 0,835$), ни при рассмотрении его как порядковой переменной ($\chi^2 = 0,84$, $df = 1$, $p = 0,359$).

Регион. Хорошо известно, что на Украине существует четкое регионально обусловленное распределение языковых предпочтений и компетенций, что предопределено исторически. Грубо говоря, юг и восток Украины ориентированы на русский язык, запад – на украинский, центр – в промежуточном положении [9, 10]. Параллель, которую мы должны провести с Беларусью, следующая: запад обеих стран был польским в период между мировыми войнами, восточные регионы были советскими, поэтому их население было русскоговорящим. Результаты для разных регионов представлены в табл. 6.

Таблица 6

Самооценка владения белорусским языком в зависимости от региона

Область	Свободное владение белорусским, %	Количество респондентов, <i>n</i>
Брестская	50,0	98
Гродненская	62,5	56
Минская	49,0	98
Витебская	43,0	93
Могилёвская	54,7	64
Гомельская	41,9	93
Город Минск	48,2	164
Всего	–	666

В нашей выборке существует некоторая разница между регионами. Однако два результата показывают, что ситуация в Беларуси значительно отличается от ситуации на Украине. Во-первых, разница в ареале активного владения белорусским как автохтонным языком со слов респондентов не настолько сильна, как на Украине, причем эта разница незначима ($\chi^2 = 8,18$, $df = 6$, $p = 0,225$). Мы наблюдаем минимум (41,9 %) в Гомельской области (результаты Витебской к ним близки) и максимум (62,5 %) в Гродненской области. Во-вторых, разница, наблюдаемая в Беларуси, не соответствует простой географической схеме. Мы действительно выявляем самые низкие результаты свободного владения белорусским языком в Витебской и Гомельской областях, находящихся на востоке страны. Однако Могилёвская область также находится на востоке и при этом занимает второе место после Гродненской. Гродненская и Брестская области представляют собой западные регионы, однако в отличие от Гродненской Брестская показывает средний результат. Поэтому можно предположить, что свободное владение белорусским менее распространено на востоке, где русский доминировал еще до Второй мировой войны. Но этот исторический фактор может оказаться слабее, чем другие социальные или демографические условия, например индустриализация или присутствие крупных военных баз (что способствовало миграции русскоговорящих людей в соответствующие регионы). Данное явление заслуживает дальнейшего изучения. Как бы то ни было, разница между западом и востоком в Беларуси менее важна (если вообще существует), чем на Украине [10].

Сфера занятости. Следующим возможным релевантным фактором может считаться сфера занятости людей (табл. 7).

**Владение белорусским языком (по мнению респондентов)
в зависимости от сферы занятости**

Сфера занятости	Свободное владение белорусским языком, %	Количество респондентов, <i>n</i>
Образование, наука	72,2	54
Культура	62,5	24
Сельское хозяйство	57,5	40
Строительство	49,2	61
Здравоохранение	45,7	35
Маркетинг	45,5	66
Промышленность	44,4	72
Услуги	43,0	86
Государственная администрация	42,9	7
Финансы	31,3	16
Вооруженные силы, милиция	28,6	14
Другое	–	5
Всего	–	480

Примечание. Категория «другое» не принята во внимание.

Здесь число респондентов немного ниже – 480. Это группа уже работающих молодых людей (студенты и школьники в этот анализ не включены). Наблюдаются следующие тенденции: есть две сферы (в значительной степени независимые друг от друга), где люди часто указывают на свободное активное владение белорусским. Это образование и культура, с одной стороны, и сельское хозяйство, с другой. На отрицательной крайней позиции этой шкалы находятся вооруженные силы, милиция и государственная администрация, с одной стороны, и финансовый сектор, с другой. Конечно, число респондентов в двух последних группах низкое, так что с интерпретациями нужно быть осторожными.

Все эти результаты в общих чертах соответствуют ожиданиям: люди, профессионально занятые в образовании и культуре или интересующиеся этими сферами, более склонны придерживаться белорусских традиций и поэтому в большей мере владеют белорусским языком. Люди, занятые в сельском хозяйстве (даже молодые), локально ближе к автохтонным вариантам белорусского, отчасти потому что им также приходится общаться с пожилыми деревенскими жителями. Последние более склонны придерживаться местных белорусских диалектов [10]. Конечно, мы не знаем, до какой степени эти диалекты и местная речь находятся под влиянием русского языка. Варианты белорусского, используемые людьми из сфер образования и культуры, с одной стороны, и людьми из сферы сельского хозяйства, с другой, в определенной степени различны. Первый должен быть ближе к стандарту, последний – проявлять больше или меньше диалектных черт. И наоборот: ожидается, что русский особенно доминирует в таких сферах, как вооруженные силы и милиция, так как там мощная советская традиция (и поэтому русскоговорящая). В сфере финансов также с советских времен доминировал русский язык. Это определенно усиливалось вследствие значительной экономической зависимости современной Беларуси от России. Остальные профессиональные сферы находятся в интервале между ними.

Политические предпочтения. Следует выяснить, коррелирует ли самооценка о наличии или отсутствии свободного активного владения белорусским языком

с политическими предпочтениями [10, 20]¹. Чтобы проверить такую возможную взаимосвязь, респондентам задали следующий вопрос: «Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Европейский союз, при сохранении независимости Беларуси, что бы Вы выбрали?» (табл. 8).

Таблица 8

Корреляция между геополитической ориентацией и свободным владением белорусским языком, %

Вариант ответа	Со свободным владением (n = 325)	Без свободного владения (n = 341)	В общем (n = 666)
Объединение с Россией	27,4	25,2	26,3
Вступление в Европейский союз	35,1	39,3	37,2
Трудно сказать определенно	37,5	35,5	36,5
Всего	100	100	100

Первое, на что нужно обратить внимание: две подгруппы, т. е. респонденты, владеющие и не владеющие активно белорусским языком, показывают лишь минимальные различия. Наличие или отсутствие свободного, активного владения белорусским, вероятно, не коррелирует с данным аспектом политической ориентации. Обратим внимание на то, что вариант членства в Европейском союзе получает даже немного больше голосов среди респондентов, которые сообщают, что не владеют белорусским свободно и активно, хотя это различие и не значимое ($\chi^2 = 0,98$, $df = 1$, $p = 0,32$; неопределенные респонденты исключены).

Тем не менее, если не брать во внимание вопрос об активном владении белорусским языком, становится ясно, что объединение с Россией (уже в 2013 г., т. е. перед конфликтом с Украиной) является для молодого поколения наименее привлекательным вариантом: группа, выбравшая вступление в ЕС, в 1,5 раза больше. Если не дифференцировать полученные результаты по владению или не владению белорусским языком, то сторонников вступления в ЕС получается больше, чем желающих объединиться с Россией ($\chi^2 = 12,60$, $df = 1$, $p < 0,001$; неопределенные респонденты исключены)² [21]. В обеих подгруппах вырисовывается похожая картина. В группе респондентов, не владеющих белорусским языком свободно, сторонников вступления в ЕС насчитывается значительно больше, чем сторонников объединения с Россией ($\chi^2 = 10,47$, $df = 1$, $p = 0,001$; неопределенные респонденты исключены). В группе же с респондентами, свободно владеющими белорусским языком, эта разница маргинально значимая, т. е. уровень статистической значимости составляет 10 % ($\chi^2 = 3,08$, $df = 1$, $p = 0,079$; неопределенные респонденты исключены). Конечно, группа говорящих, предпочитающих вступление в Европейский союз, также представляет собой меньшинство, так как количество респондентов, не давших однозначного ответа,

¹ Данные о взаимосвязи между повседневным использованием белорусского/русского языка и политическими предпочтениями были получены в ходе двух опросов, проведенных в 1997 и 2004 гг. Они были проблематичными по ряду аспектов, в основном по двум: во-первых, абсолютное число респондентов, сообщающих о повседневном использовании белорусского языка, было слишком малым, чтобы позволить сделать далеко идущие выводы, касающиеся корреляций с политическими взглядами; во-вторых, в опросах применялись категории ответов «русский», «белорусский», «смешанная речь» и «белорусский и русский». Данной системе категорий не хватает комплексности, чтобы отразить языковую ситуацию, в которой три кода – русский, БРСР и белорусский – используются во многих констелляциях.

² Опрос, проведенный в июне 2014 г., показывает схожие результаты в отношении вхождения Беларуси в состав России. Часть респондентов (24,8 %) поддержали бы этот вариант в случае проведения референдума. Доля респондентов, высказавшихся в поддержку вступления в Европейский союз, лишь немного выше – 27,4 %. Если же респондентам предоставлялся выбор между обоими вариантами, то парадоксально, но 46,9 % высказались за объединение с Россией и только 33,1 % – за вступление в ЕС, 20 % опрошенных затруднились ответить. Взаимосвязь с владением языков и/или определенными языковыми предпочтениями не проверялась.

настолько же высоко, как и количество выступающих за вступление в ЕС. Что касается неопределенных ответов, нужно быть осторожным при их интерпретации. Тем не менее можно сказать, что в данное время респондент может чувствовать неудобство при голосовании за европейское решение, зная, что белорусские власти явно не увлечены либеральной системой западного типа¹ [8]. Возможно, выбор союза с Россией кажется респондентам менее проблематичным.

Чтобы изучить влияние отдельных факторов, контролируя при этом остальные, мы провели анализ логистической регрессии с владением белорусским языком (да/нет) в качестве бинарной зависимой переменной. Независимые переменные – это социодемографические характеристики, описанные нами. Для данного анализа было сокращено число видов занятости: «образование/наука» и «культура» попали в одну группу, в одной группе оказались «промышленность» и «строительство», также были объединены «вооруженные силы, милиция» и «государственная администрация». Такие виды занятости, как «информационные технологии», «коммунальное хозяйство» и «телекоммуникации», представленные в самой малой степени, были исключены из анализа.

Значимые эффекты были выявлены для «места жительства (город/деревня)» ($\chi^2 = 6,20$, $df = 1$, $p = 0,013$), «пола» ($\chi^2 = 6,53$, $df = 1$, $p = 0,011$) и «занятости» ($\chi^2 = 14,30$, $df = 7$, $p = 0,046$)². Маргинально значимый эффект был выявлен для «области» ($\chi^2 = 12,27$, $df = 6$, $p = 0,056$), в отличие от явно не значимого χ^2 -теста. Как и в анализе выше, «образование» ($\chi^2 = 0,97$, $df = 3$, $p = 0,808$) и «политические предпочтения» ($\chi^2 = 2,40$, $df = 2$, $p = 0,301$) оказались в многомерном анализе незначимыми.

Коэффициенты, оцененные моделью логистической регрессии для отдельных категорий этих факторов, представлены в табл. 9. Коэффициенты показывают, как отдельные категории факторов (например, отдельные сферы занятости) меняют вероятность свободного владения белорусским языком (конечно, по мнению респондентов) в сравнении с другой категорией данного фактора (так называемой контрольной категорией). Положительные коэффициенты указывают на то, что соответствующая категория данного фактора увеличивает вероятность свободного владения белорусским языком по сравнению с контрольной категорией данного фактора. Отрицательные коэффициенты указывают на то, что соответствующая категория снижает такую вероятность.

Таблица 9

Модель логистической регрессии: владение белорусским языком, по мнению респондентов ($n = 475$; псевдо- $R^2 = 0,12$; вероятность сравнительного признака $\chi^2 = 44,20$, $df = 15$, $p < 0,001$)

Факторы	Коэффициент	Стандартная ошибка	Значение, p
Константа	-0,43	0,31	0,158
Место жительства: деревня	0,78	0,32	0,014
Пол: женский	0,52	0,20	0,011
Регион (контрольная категория – Минская область)			
Брестская	-0,22	0,35	0,516
Гомельская	-0,52	0,38	0,165
Гродненская	0,67	0,43	0,120

¹ Необходимо отметить, что за последние 15 лет отношения между Беларусью и Россией пережили несколько серьезных спадов, вызванных, например, предложением В. Путина о включении Беларуси в качестве субъекта в Российскую Федерацию (2002) или конфликтом в связи с ценой на газ (в начале 2007 г.). В результате А. Лукашенко начал подчеркивать независимость Беларуси как нации. Данная тенденция, очевидно, сохраняется.

² Данные значения p относятся к сравнению регрессионной модели, включающей исследуемый фактор, с моделью без этого фактора.

Факторы	Коэффициент	Стандартная ошибка	Значение, <i>p</i>
Город Минск	0,23	0,33	0,501
Могилёвская	0,51	0,39	0,191
Витебская	0,01	0,37	0,969
Занятость (контрольная категория – промышленность)			
Сельское хозяйство	-0,27	0,47	0,568
Культура	0,66	0,32	0,041
Финансы	-0,95	0,60	0,113
Здоровье	-0,28	0,41	0,495
Услуги	-0,24	0,29	0,408
Государственная служба	-0,65	0,52	0,212
Торговля	-0,19	0,32	0,564

На рис. 2–5 более конкретно представлено влияние отдельных категорий факторов (при этом показана предсказанная вероятность свободного владения белорусским языком), вычисленных на базе коэффициентов табл. 9, а также соответствующий доверительный интервал (+/- две стандартные ошибки) для определенных типов информантов (например, для мужчин из Минской области, работающих в промышленности). Данные типы соответствуют контрольным категориям в регрессионной модели. Обычно это те категории, которые респонденты чаще всего выбирали. Только в случае области мы решили не брать самый частый ответ (которым был бы г. Минск) из-за специфического статуса столицы. Графики показывают изменения в вероятности свободного владения белорусским, когда все другие факторы остаются постоянными и только изучаемый фактор изменяется.

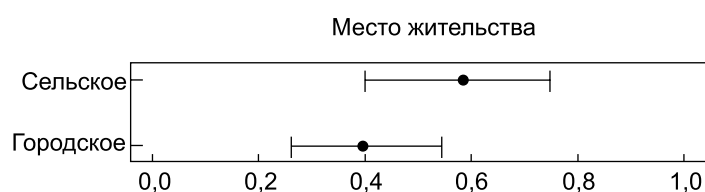

Рис. 2. Предполагаемая вероятность свободного владения белорусским языком (по мнению респондентов) среди молодых людей из сельских и городских мест проживания (пол: мужской; сфера занятости: промышленность; регион: Минск)

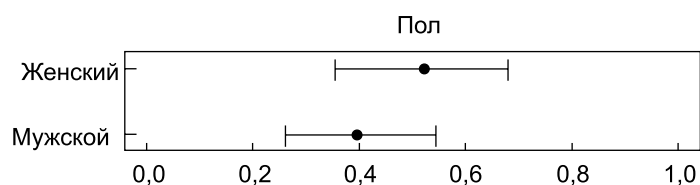

Рис. 3. Предполагаемая вероятность свободного владения белорусским языком (по мнению респондентов) среди молодых мужчин и женщин (сфера занятости: промышленность; место жительства: город; регион: Минск)

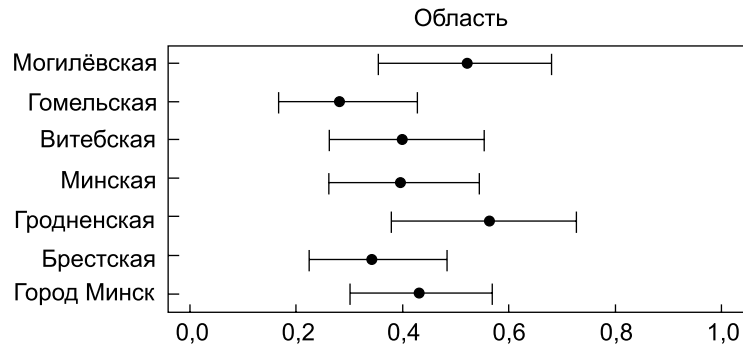

Рис. 4. Предполагаемая вероятность свободного владения белорусским языком (по мнению респондентов) среди информантов из разных регионов (пол: мужской; сфера занятости: промышленность; место жительства: город)

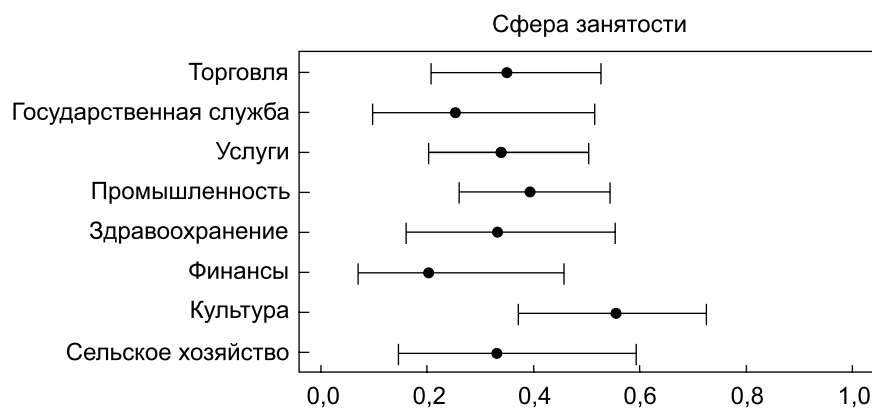

Рис. 5. Предполагаемая вероятность свободного владения белорусским языком (по мнению респондентов) среди молодых людей из разных сфер занятости (пол: мужской; регион: Минск; место жительства: город)

Многомерный анализ подтверждает большинство наблюдений, сделанных нами: среди женщин вероятность свободного владения белорусским языком выше, чем среди мужчин. Проживание в деревне увеличивает вероятность свободного владения белорусским. Что касается региона, здесь возникают определенные отличия от анализа, проведенного выше, но наблюдение о том, что параметр «запад/восток» не является решающим, подтвердилось. Обратим внимание на то, что Брестская область, которая находилась в середине, когда не контролировались другие факторы, показывает низкую вероятность свободного владения белорусским языком при контроле других факторов. Вероятность свободного владения белорусским наименьшая для жителей Гомельской (на востоке) и Брестской (на западе) областей, а наибольшая – для жителей Гродненской (на западе) и Могилёвской (на востоке) областей. Самая высокая вероятность свободного владения белорусским наблюдается среди людей, работающих в сферах культуры и образования, самая низкая – в финансовом секторе и государственных органах (вооруженных силах, милиции, администрации). Обратим внимание на то, что категория «сельское хозяйство» находится в середине, когда контролируются другие факторы (такие как место жительства). Поэтому в отличие от мест работы в сфере культуры и образования не сама работа связана с более высокой вероятностью свободного владения белорусским, а необходимость общаться с пожилыми деревенскими жителями. Дополнительным фактором может быть сам факт обучения в белорусскоязычной школе, что могло увеличить уверенность в своем владении языком. Такие школы встречаются не слишком часто, в основном в сельской местности.

Анализ: будущее

Представленные результаты дают основания говорить о пока туманном будущем белорусского языка. Среди молодых белорусов русский является предпочитаемым языком. Это следствие прямой или косвенной языковой политики советской системы (кроме 1920-х гг.) и политики Беларуси с середины 1990-х гг. Однако при посещении страны возникает впечатление, что молодому поколению начинает нравиться жить в независимой Беларуси, не в союзе с Россией. Это подтверждают представленные нами данные. Поэтому нужно поставить общий вопрос: оценят ли молодые белорусы укрепление позиций белорусского языка в будущем? Анализ строится на различиях мнений молодых людей, активно владеющих и не владеющих белорусским языком. Для начала респондентам был задан вопрос, насколько они согласны с расширением сфер употребления белорусского языка. Ответить нужно было, используя 10-балльную шкалу, где 10 баллов соответствовал вариант ответа: «Я абсолютно за расширения сфер употребления белорусского языка», а 1 – «Я категорически против расширения сфер употребления белорусского языка». Если мы возьмем респондентов, выбирающих пункты от 6 до 4, и идентифицируем их как неопределившихся, тогда мы можем сказать, что 51,1 % тех, кто отмечает, что свободно владеет белорусским языком, поддерживает укрепление его позиций в стране, в то время как доля респондентов, свободно не владеющих белорусским языком, составляет только 32,6 %. Не поддерживают укрепление позиций белорусского языка 13,8 % респондентов, свободно владеющих белорусским, и 26,7 % респондентов, не владеющих им свободно. Это означает, что молодые люди, считающие, что они активно владеют белорусским, выбирают укрепление позиций языка значительно чаще, чем считающие, что не обладают данной компетенцией ($\chi^2 = 26,30$, $df = 1$, $p < 0,001$; неопределившиеся респонденты были исключены).

Ответы, данные в последнем тесте, конечно, не более чем общие утверждения по поводу довольно абстрактного желания. Интересным с точки зрения детализации представляется вопрос: в каких сферах должно произойти укрепление позиций белорусского языка? Данный аспект рассматривался в рамках вопроса: «В какой сфере Вам бы хотелось, чтобы белорусский язык использовался чаще?» – для 10 подобных сфер. Ответы формируют четкую иерархию групп от наименьшего к наибольшему: (А) место работы – 5,7 %, собственная семья – 6,9 %, с друзьями и соседями – 7,1 %, для документов, докладов в официальном контексте – 11,3 %; (В) в учреждениях высшего образования – 20,9 %, в местах оказания услуг, таких как магазины, транспорт, кафе, рестораны, – 21,8 %, в детских садах – 28,4 %; (С) на телевидении, в печати и других медиа – 35,1 %, в государственной администрации – 41,6 %, в средних школах – 42,3 %. Респонденты, свободно владеющие белорусским языком, чаще поддерживают укрепление его позиций во всех контекстах общения. Однако иерархии предпочтений обеих групп по поводу того, где укреплять позиции белорусского языка, наиболее точно коррелируют друг с другом ($r = 0,996$). Таким образом, говоря об иерархии контекстов общения, нет необходимости различать две группы, исходя из уровня компетенции в белорусском языке. Самый интересный результат данного анализа состоит в том, что иерархия контекстов, в которых нужно усилить белорусский, отрицательно коррелирует со степенью вовлеченности индивидуума. Чем дальше контекст от повседневной жизни индивидуума, тем сильнее высказывается желание усилить позиции белорусского языка. Следующая любопытная особенность связана со сферой образования. Самый высокий результат среди высказавшихся за усиление белорусского получила сфера средней школы. Результаты для детских садов и УВО намного ниже. В предварительной интерпретации есть два аспекта: люди могут считать, что маленьким детям было бы слишком сложно столкнуться с языком, который, как правило, не используется в их семьях. Что касается УВО, то нужно иметь в виду, что 29,1 % респондентов посещают университеты или подобные заведения, так что они также были бы «жертвами» такого

усиления¹ [22, 23]. В то время как преподавание в средней школе носит общеобразовательный характер, высшее образование рассматривается как нацеленное на приобретение специальности. Большинство молодых белорусов не рассматривают белорусский язык как преимущество для карьеры и по этой причине не поддерживают его в сфере высшего образования.

Несмотря на очевидное нежелание респондентов стать лично вовлеченными в усиление позиций белорусского языка, очередной анализ позволяет надеяться на более светлое его будущее. Вопрос относится к детям респондентов, другими словами, к более отдаленному будущему. Респондентов спросили, считают ли они важным, чтобы их дети хорошо владели белорусским языком. Предлагалось четыре варианта ответа: «очень важно», «скорее, важно», «скорее, неважно» или «совершенно неважно». Выяснилось, что существует значительная разница между респондентами, свободно владеющими белорусским, и теми, кто не владеет этой компетенцией. Самая явная разница представлена в варианте «очень важно»: здесь мы обнаруживаем 31,1 % свободно говорящих на белорусском (исходя из их самооценки) и только 8,8 % тех, кто им свободно не владеет. Но в варианте «скорее, важно» доли почти равны и очень высоки: 49,2 и 49 % соответственно. Это означает, что более чем 80 % свободно говорящих на белорусском и почти 60 % владеющих белорусским языком считают достаточно важным (если не очень важным) для своих детей хорошее владение белорусским языком.

Здесь также интересно узнать о корреляции с политическим аспектом (ориентация на ЕС или Россию). Оба вопроса связаны с будущим. В вопросе, желательна ли продвигать белорусский, действительно есть корреляция с политической ориентацией, но слабая. Респонденты, поддерживающие ориентацию на запад, немного больше поддерживают усиление белорусского, чем предпочитающие союз с Россией. На вопрос, желательна ли продвигать белорусский язык, респонденты, ориентированные на запад, в среднем набирают 6,2 балла по упомянутой 10-балльной шкале; респонденты, ориентированные на Россию – 5,67 балла. Это статистически значимая разница ($t = -2,09$, $df = 553$, $p = 0,037$), но разница между средними значениями обеих групп составляет только примерно половину пункта 10-балльной шкалы. Соответственно, результирующий размер статистического эффекта политической ориентации респондентов очень низок ($r = 0,09$)².

Последующий анализ подтверждает, что респонденты, поддерживающие союз с Россией, никоим образом не против укрепления позиций белорусского языка. Когда их спрашивают о важности хорошего владения белорусским для их детей, респонденты, выбирающие союз с Россией, дают ответ «скорее, важно» чаще, чем респонденты, ориентированные на запад (62 против 47,2 %), что является позитивным ответом. Респонденты с ориентацией на запад выбирают ответ «очень важно» чаще, чем ориентированные на Россию (21,6 против 13,5 %). Рассматривая эти два положительных ответа в совокупности, можно констатировать, что респонденты, предпочитающие союз с Россией, даже немного впереди в вопросе о важности компетенции в белорусском для их детей (75,5 против 68,8 %).

¹ Опрос, проведенный негосударственной инициативой «Будзьма беларусамі!» в 2009 г. среди репрезентативной выборки 1011 граждан, показывает сходную тенденцию: в то время как большая доля респондентов высказалась за преобладающее или исключительное использование белорусского языка в достаточно безличных контекстах, таких, например, как рекламные щиты (51,7 % – за), в политике и высших органах (45,9 %), поддержка преобладающего или исключительного использования белорусского была заметно ниже в сфере образования (34,6 %), армии (27,3 %) и бизнесе (18,1 %). Похожий опрос проводился в 2012 г. Результаты показывают даже более высокую поддержку использования белорусского языка на вывесках в общественных местах (64,1 %), политике и управлении (50,1 %). С другой стороны, отмечается высокая поддержка использования белорусского в семье (51,2 %), с друзьями и коллегами (51,1 %). Эти результаты нужно рассматривать со скептицизмом, так как неясно, задавался ли вопрос с отсылкой к использованию белорусского языка самими респондентами в их собственных семьях или к использованию его в семьях в целом. Кроме того, невозможно найти информацию о выборке, с которой могли бы соотноситься результаты 2012 г.

² Анализ ординальной логистической регрессии дал бы сходные результаты.

Резюме, обсуждение и выводы

Анализ ситуации с белорусским языком в Беларуси среди молодых представителей титульной нации в настоящий момент ясно доказывает его крайне периферийное положение по всей стране, подтверждая результаты Г. Хентшеля и Б. Киттеля [5] для отдельных городов среди говорящих в возрасте от 17 до 70 лет. Ситуация даже хуже, чем показывает последняя перепись. Это стало очевидным, так как во внимание, кроме белорусского и русского языков, принималась смешанная форма речи – БРСР. Белорусский крайне редко используется в любом контексте общения во всех городских или сельских населенных пунктах. Широко распространенное мнение о том, что белорусским намного больше пользуются в деревнях, чем в городской среде, не подтвердилось для молодого поколения. В городских населенных пунктах среди молодежи явно доминирует русский, даже в неофициальных контекстах общения в семье. Степень использования БРСР здесь намного ниже среди молодых людей, чем степень использования русского языка. Это касается даже малых городов, которые иногда рассматриваются как места, где БРСР распространена сильнее всего. Более того, это касается любого контекста общения. С другой стороны, БРСР везде показывает более высокие результаты в использовании, чем белорусский язык. Только в сельской местности БРСР показывает в семейном общении более высокий уровень частотности, чем русский. Но уже при общении с друзьями, которые, как правило, принадлежат к тому же молодому поколению, русский используется немного чаще, чем БРСР, даже в деревнях. В целом, если мы сравним эти цифры с результатами, представленными Г. Хентшелем и Б. Киттелем [5] для более старших возрастных групп, молодое поколение явно воздерживается от использования не только белорусского в повседневной жизни, но в значительной степени и от БРСР.

Более того, только приблизительно половина респондентов сообщила о свободном активном владении белорусским в устной и письменной речи, в то время как почти все респонденты указали на свободное активное владение русским. Однако если учесть тот факт, что белорусский очень редко используется в повседневной жизни, то заявленное активное владение белорусским, без всякого сомнения, не такое же убедительное, как заявленное активное владение русским. Благодаря ежедневной практике последний укоренился намного лучше. Наличие или отсутствие активного владения белорусским частично, как было показано, коррелирует с полом (женщины чаще, чем мужчины), местом жительства (в сельской местности чаще, чем в городе), регионом и типом занятости респондентов. Вероятность свободного владения белорусским языком у респондентов, работающих в сфере образования и культуры в Беларуси, явно превосходит средний уровень, а у работающих на государственной службе (особенно в вооруженных силах и милиции) – явно ниже среднего. Наличие определенных образцов в ответах респондентов наблюдается благодаря совпадению различных факторов. Так что только работа в сфере сельского хозяйства не является причиной высокой вероятности свободного владения белорусским. Кроме того, существует маргинально значимая корреляция с региональными различиями, но она определенно не следует модели деления на восток и запад, как на Украине. Многомерный анализ показал, что западная Брестская область занимает предпоследнее место по вероятности активного владения белорусским языком. Активное владение белорусским явно не коррелирует с уровнем образования респондентов и, самое значимое, с западной (на ЕС) или восточной (на Россию) политической ориентацией.

Говоря о будущем, следует заметить, что существует явное сочувствие к сохранению и даже укреплению позиций белорусского языка. Это становится особенно ясным в ответах на вопрос, считают ли респонденты важным, чтобы их дети хорошо владели белорусским языком. Позитивный ответ на этот вопрос дают не только респонденты, которые в настоящий момент хорошо владеют белорусским (в подавляющем большинстве случаев), но также и немного более половины респондентов, которые не владеют свободно белорусским. Относительно возможного укрепления позиций белорусского в будущем наблюдается слабая корреляция с общеполитической ориентацией: респонденты с западной ориентацией более позитивны, чем люди с восточной ориентацией. Тем не менее

нельзя говорить о том, что последние против такого усиления. В целом важно осознать, что респонденты поддерживают укрепление позиций белорусского в тех контекстах общения, которые, скорее, удалены от их повседневной жизни. Другими словами, даже молодые люди предпочли бы не быть принуждаемыми быстро к иному языковому поведению, но скорее предпочли бы постепенные изменения. Политические и культурные активисты, которые пытались массово укрепить позиции белорусского языка в начале 1990-х гг., не считались с подобным нежеланием людей к быстрым изменениям в языковом поведении.

Определенно можно сказать, что белорусский язык сильно подвержен опасности исчезновения в своей собственной стране, если говорить о нынешнем языковом поведении молодого белорусского поколения. Но надежда все же есть.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК (REFERENCES)

1. Самарын В. І. Да пытання аб забеспячэнні роўнасці дзяржаўных моў у Рэспубліцы Беларусь // Весн. Канстытуц. Суда. 2007. № 3. С. 67–74 [Samaryn V. I. Da pytannja ab zabespjachjenni rownasci dzjarzhawnych mow u Rjespublicy Belarus'. *Vesnik Kanstytucyjnaga Suda*. 2007. № 3. P. 67–74 (in Belarus.).]
2. Mieczkowska N. B. Stulecie białoruskiego odrodzenia narodowego: główne wydarzenia i trendy samoświadomości językowej i sytuacji językowej na Białorusi // *Tożsamości zbiorowe Białorusinów* / red. R. Radzik. Lublin, 2012. S. 105–186.
3. A review of language policy in Belarus // The NGO «Francisak Skaryna Belarusian language Society» [Electronic resource]. URL: <http://tbm-mova.by/monitoring15.html?lang=en> (date of access: 26.05.2014).
4. Хентшель Г., Бернхард К. Языковая ситуация в Беларуси: мнение белорусов о распространности языков в стране // *Социология*. 2011. № 4. С. 62–78 [Khentshel' G., Bernkhard K. Yazykovaya situatsiya v Belarusi: mnenie belorusov o rasprostranennosti yazykov v strane. *Sotsiologiya*. 2011. № 4. P. 62–78 (in Russ.).]
5. Хентшель Г., Киттель Б. Языковая ситуация в Беларуси: мнение белорусов о распространности языков в стране // *Социология*. 2011. № 4. С. 62–78 [Khentshel' G., Kittel' B. Yazykovaya situatsiya v Belarusi: mnenie belorusov o rasprostranennosti yazykov v strane. *Sotsiologiya*. 2011. No. 4. P. 62–78 (in Russ.).]
6. Запрудскі С. Некаторыя заўвагі аб вывучэнні «трасянкі», або Выклікі для беларускіх гуманітарных і сацыяльных навук // *Arche*. 2009. № 11/12. С. 157–200 [Zaprudski S. Nekatoryja zawvagi ab vyvuchjenni «trasjanki», abo Vykliki dla belaruskich humanitarnyh i sacyjal'nyh navuk. *Arche*. 2009. No. 11/12. P. 157–200 (in Belarus.).]
7. Хентшель Г. Белорусско-русская смешанная речь («трасянка»): восемь вопросов и ответов // *Языковой контакт* : сб. науч. ст. Минск, 2015. С. 172–186 [Khentshel' G. Belorussko-russkaya smeshannaya rech' («trasyanka»): vosem' voprosov i otvetov. *Yazykovo kontakt* : sb. nauch. st. Minsk, 2015. P. 172–186 (in Russ.).]
8. Brüggemann M. Die weißrussische und die russische Sprache in ihrem Verhältnis zur weißrussischen Nation und Gesellschaft. Ideologisch-programmatische Standpunkte politischer Akteure und Intellektueller 1994–2010. Oldenburg, 2014.
9. Хентшель Г., Тараненко О. О. Мовний ландшафт Центральної України: українська мова, російська мова, «суржик» (уживання – мовна компетенція – національне позиціонування) // *Мовознавство*. 2015. № 4. С. 3–25 [Hentshel' G., Taranenko O. O. Movnyj landshaft Central'noi' Ukraïny: ukrai'ns'ka mova, rosijs'ka mova, «surzhyk» (uzhyvannja – movna kompetencija – nacional'ne pozycionuvannja). *Movoznavstvo*. 2015. No. 4. P. 3–25 (in Ukr.).]
10. Hentschel G., Kittel B. Zu Sprachkompetenzen und Sprachverhalten von jungen Weißrussen und Ukrainern in Weißrussland und der Ukraine (und zu Schwierigkeiten eines solchen Vergleichs auf der Basis unterschiedlicher Erhebungen) // *Wien. Slav. Jahrb.* 2014. N.F. 2. S. 98–128 [Hentschel G., Kittel B. Sprachkompetenzen und Sprachverhalten von jungen Weißrussen und Ukrainern in Weißrussland und der Ukraine (und zu Schwierigkeiten eines solchen Vergleichs auf der Basis unterschiedlicher Erhebungen). *Wien. Slav. Jahrb.* 2014. N.F. 2. S. 98–128 (in Ger.).]
11. Hentschel G., Zeller J. P. Gemischte Rede, gemischter Diskurs, Sprechertypen: Weißrussisch, Russisch und gemischte Rede in der Kommunikation weißrussischer Familien // *Wien. Slawistischer Alm.* 2012. No. 70. S. 127–155 [Hentschel G., Zeller J. P. Gemischte Rede, gemischter Diskurs, Sprechertypen: Weißrussisch, Russisch und gemischte Rede in der Kommunikation weißrussischer Familien. *Wien. Slawistischer Alm.* 2012. No. 70. S. 127–155 (in Ger.).]
12. Ferguson Ch. Diglossia // *Word*. 1959. No. 15. P. 325–340 [Ferguson Ch. Diglossia. *Word*. 1959. No. 15. P. 325–340 (in Engl.).]
13. Jaspers J. Diglossia and beyond // *The Oxford handbook of language and society* / ed. by O. García, N. Flores, M. Spotti. Oxford, 2016.
14. Liskovets I. V. Trasjanka: A code of rural migrants in Minsk // *Int. J. Biling.* 2009. No. 13. P. 396–412 [Liskovets I. V. Trasjanka: A code of rural migrants in Minsk. *Int. J. Biling.* 2009. No. 13. P. 396–412 (in Engl.).]

15. *Liskovec I. V.* Trasjanka-Elemente als Marker für soziale Stratifikation in der Stadt Minsk // *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede* / hrsg.: G. Hentschel, O. Taranenko, S. Zaprudski. Frankfurt, 2014. S. 253–265.
16. *Muysken P.* Bilingual speech: A typology of code-mixing. Cambridge, 2000.
17. *Хентшель Г.* Белорусский, русский и белорусско-русская смешанная речь // *Вопросы языкознания*. 2013. № 1. С. 53–76 [Khentshel' G. Belorusskii, russkii i belorussko-russkaya smeshannaya rech'. *Voprosy yazykoznavaniya*. 2013. No. 1. S. 53–76 (in Russ.)].
18. *Hentschel G.* Belarusian and Russian in the Mixed Speech of Belarus // *Congruence in contact-induced language change: Language families, typological resemblance, and perceived similarity* / ed. by J. Besters-Dilger [et al.]. Berlin, 2014. P. 93–121.
19. *Hentschel G.* «Trasjanka» und «Suržyk» – zum Mischen von Sprachen in Weißrussland und der Ukraine // *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede* / hrsg.: G. Hentschel, O. Taranenko, S. Zaprudski. Frankfurt, 2014. S. 1–26.
20. *Дракахруст Ю.* Жэнеўская канвэнцыя для вайны культураў // *Arche*. 2004. № 3 (32) [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <http://arche.bymedia.net/2004-3/drakachrust304.htm> (дата звароту: 08.07.2014) [Drakachrust Yu. Zheneŭskaya kanventsyya dlya vainy kul'turaŭ. *Arche*. 2004. No. 3 (32) [Elektronic resource]. URL: <http://arche.bymedia.net/2004-3/drakachrust304.htm> (date of access: 08.07.2014) (in Belarus.)].
21. ISEPS. Die Wahrnehmung der Ukraine-Krise in Belarus // *Belarus-Analysen*. 2014. № 17. S. 16–19 [Electronic resource]. URL: <http://www.laender-analysen.de/belarus/pdf/BelarusAnalysen17.pdf> (date of access: 22.07.2014) [ISEPS. Die Wahrnehmung der Ukraine-Krise in Belarus. *Belarus-Analysen*. 2014. № 17. S. 16–19 [Electronic resource]. URL: <http://www.laender-analysen.de/belarus/pdf/BelarusAnalysen17.pdf> (date of access: 22.07.2014) (in Engl.)].
22. Будзьма. Вынікі сацыялагічнага даследавання «Нацыянальная ідэнтычнасць вачамі беларусаў: Хто мы і якімі мы будзем?» [Электронны рэсурс]. 2009. Рэжым доступу: <http://budzma.org/socium/pres-reliz-ра-вуніках-презентасці-сасуаляхічнага-даследвання-насуанальна-ідэнтычнасць-вачамі-беларусаў-khto-мы-i-yakimi-мы-budzem.html> (дата звароту: 09.07.2014).
23. Будзьма. Беларуская мова: мова эліты і апазіцыі [Электронны рэсурс]. 2012. Рэжым доступу: <http://budzma.org/news/belaruskaya-mova-mova-elity-i-apazicyi/html> (дата звароту: 09.07.2014).

Статья поступила в редколлегию 18.04.2016.
Received by editorial board 18.04.2016.